Михаил Б. Яковенко

Mikhail B. Jakovenko

С Т И Х О Т В О Р Е Н И Я.

P O E T R Y.

Мельбурн – Melbourne 1987

Михаил Б. Яковенко

С Т И Х О Т В О Р Е Н И Я.

Мельбурн — Melbourne 1987

Особое Приложение Нр. 3I к Периодическому изданию:
"Международная Библиотека Философии", изд. в Праге
Б.В.Яковенком, в течении I935-I944 годов.
Special Supplement No. 31 to "International Philosophical Library", edited and published by B.Jakovenko
in Prague during 1935-1944.

National Library of Australia
card number and ISBN 0 909919 11 9

Edition - Limited.

Edited and published by D. Jakovenko
WOODEND, Victoria 3442, Australia.

Printed by D. J., WOODEND, Victoria.

53

В В Е Д Е Н И Е .

Подобно многим одаренным поэтам на протяжении веков, и Михаилу Борисовичу Яковенко не было суждено полностью развить свои литературные способности,дремлющие в его чуткой и благородной душе.

Жизненные условия, постоянные переселения, заботы о судьбе человечества и желание отстранить социальную несправедливость царившую в мире, который переживал глубокий моральный и политический кризис, мешали ему посвятить себя всецело творчеству поэзии.

Поэтическое вдохновение появилось у него в полной силе, когда впервые он познал нежность и искреннюю любовь подруги, открывших ему новый смысл и значение жизни.

К сожалению, этот короткий период вдохновения, был круто прерван более срочными событиями, а познее острым и неизлечимым заболеванием, завершившимся его смертью I-го Декабря I936 года.

Михаил Борисович родился 27-го Июня I909-го года в городе Риме - столице Италии на реке Тибре. Его родители будучи изгнанниками тогдашнего царского самодержавия,полюбили Италию и считали ее своей второй родиной.Воспитание и любовь к русской словесности он преобрел в лоне семьи,причем главным его преподавателем была бабушка Клавдия Андреевна Яковенко-Мурашкинцева революционерка и переводчица с английского и французского.

Семь лет жизни на Лигурской Ривьере и семь лет в Риме, развили в нем сильную привязаность к Италии и любовь к итальянскому языку и ее литературе, выразившейся в переводе с русского на итальянский - вместе с отцом - книжки "Разоренное гнездо" А. Сливицкого, изданной во Флоренции в 1931-м году.

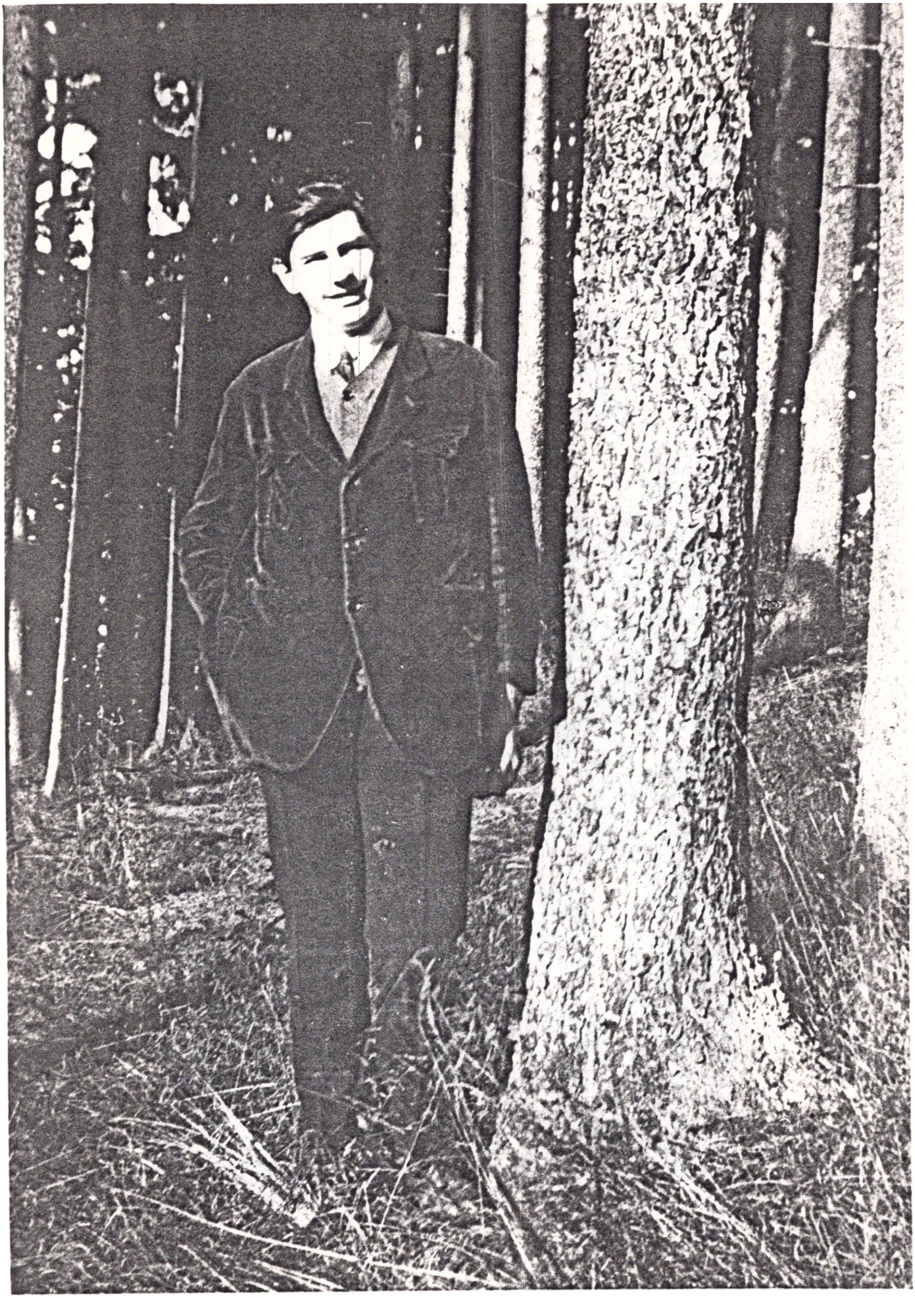
Неблагоприятные политические условия,заставили семью покинуть Италию в начале 1925 года и переселиться в тогда, после мировой войны,образовавшуюся новую демократическую республику Чехословакию - первоначально в город Мариенбад - Марианске Лазнье,население которого было в большенстве немецкого происхождения. Эта действительность принудила всю семью изучать новый иностранный язык -немецкий, которым Михаил Борисович овладел в совершенстве, позволившее ему держать корректуры для журналов и сборников, и вообще приспособляться к новым, чуждым обычаям и условиям.

Именно в этом городе и в этих условиях Михаил Борисович встретил большую любовь своей жизни - Рут и преисполнился поэтическим вдохновением, результат которого мы публикуем в этом сборнике.

После семилетнего пребывания в этом чудесном городке, условия опять заставили семью переселиться - на этот раз в Модржаны близ столицы Праги - в настоящее время часть Праги 4.

Духовные напряжения и физические лишения прожитые Михаилом Борисовичем в течении последних лет короткой жизни, стали причиной неизлечимого недуга,которому он сопротевлялся поистено героически и до последнего вздоха.Он скончался на руках верной подруги так и не осуществив всего того,что крылось в его ярком и одаренном разуме.

Вуденд, 27. 6. 1988. Димитрий Б. Яковенко.

М.Б.Яковенко: 1928
M.B.Jakovenko

1930

С Т И Х О Т В О Р Е Н И Я .

МЕЧТЕ.

Questo d'ignoto amante inno ricevi.
Leopardi.

Небо светится ночное,
Над землею тишина...
Лишь видение молодое
Тихо веет у окна.

Льется голос серебристый
Песнь поющий про весну.
Все внимая звук волнистый
Отдалося мягко сну...

Вся природа чутко внемлет
Звукам стройным и простым,
Виноград, склоняясь, дремлет
Соком налит золотым;

В море света переливы
Сыпет месяц золотой,
Все прорезаны заливы
Серебристой полосой.

Точно замер ветер южной
И недвижно аромат,
Увлажен росой жемчужной,
Шлет певице спящий сад...

Даже мягкий шум прибоя,
Что катится на песок
Вздохи неги и покоя
Шлет из тьмы на голосок...

И, в величие утопая,
Звезд раскинулся шатер,
Точно, нежа и лаская
Темный облик острых гор.

Лишь один в тени стою я
Виноградников густых;
Звуки стройные ловлю я,
Упиваюсь негой их...

Образ чудный пред глазами
Лунным светом озарен:
Что за тайными стезями
Он на землю занесен?

Отзавися, дорогая!
Не мечта ли ты моя?
Отчего, тебя внимая
Так спокойно счастлив я?

Отчего могу с молением
Песне лишь твоей внимать
И тебя с благоговением,
Лишь душою, вопрошать?

Отзовися! Нет ответа...
Ночь спскойней и светлей:
В небесах потоком света
Блещут тысячи очей...

А она... закинув косы,
Звуки чудные в устах...
И заслушались утесы
На угрюмых берегах.

Мариенбад.

АНГЕЛ МИРА.

Ангел Божий! Ангел где ты?
С распростертыми крылами
Пролети над темной твердью
И над светлыми морями!
Успокой ты распри, злобу
Меж народами вселенной
И к борьбе с своею волей,
К светлой цели несомненной
Душу каждого воздвигни!
Светлой ризой облаченный,
Вправде вечной совершенный
Будешь ты сверкать средь мира
    Торжествующего мира
Возродившейся вселенной!

Мариенбад, 22.3.1929.

МГНОВЕНИЕ.

    Весь небесный простор
    И сверкающих гор.
Надо мной снеговые вершины,
    Облитые луной,
    Тишиною ночной
Дышат все и красой без причины.
Что-то тайное в этой живой тишине;
В красоте неразгаданной слышиться мне
И лишенный разгадки вопрос...
Тишиной лишь на него отвечать,
Красоте лишь могу поклонение воздать
Проливанием жертвенных слез.

Мариенбад, 24.3.1929.

РОДИНА И ОТЧИЗНА.

Италия! Страна, которую поэты,
Со всех концов земли, стихами вознесли,
Куда чистейшие стремления и обеты
И песни лучшия, души своей, несли.
Страна, в которой все прошедшим чудным дышет,
Где сумрачных веков остался дивный след
И где, со всех сторон, покорно ухо слышит
Великих мастеров незыблемый завет;
Где время каждое своей красой чудесно
И небо, как нигде, пленяет глубиной
И в светлый зимний день, над Римом став отвесно,
Гряды алеют гор вечернею зарей.
Где раннею весной все роз благоуханием,
А осенью плодов, наполнено живым,
А в летние жары цикад перекликанием
И жаром пламенным и паром голубым...
Страна, куда со всех концов земли далеких
Стремится человек, с рождения, мечтой
И где предмет, найти, мечтаний одиноких
В прекрасной деве мнит и гордой и простой...
Я был в тебе рожден! Я с самой колыбели
Был окружен твоей бессмертной красотой,
Внимал твоих ночей таинственные трели
И твой язык стал мне знакомым и родным.
Я стал твой сын; слился с твоим народом,
Отдался всей душой твоей я красоте...
Но силы тайные все властней с каждым годом
Влечет меня с собой к заветнейшей мечте...
На родину отцов моих воображением,
Стремлюсь всесильно я: в тот край, где неба свод
Не так глубок и чист, где сладостным волнением
Природы красота в восторг не преведет...

Где степи без границ: зеленые весною,
Без жизни, выжженные солнцем, по летам
И режущие глаз, до боли, белизною
Зимою снежною... Где вкруг по деревням
И в скованных лесах молчанием глубоким
Мороз трещит и слышен волчий вой
И на большом пути, солдатом одиноким,
Столб верстовой торчит, как знак сторожевой...
Где в избах маленьких с убогими дворами
Живет народ - титан все могущий снести,
Дарящий за добро чудесными дарами;
Все могущий простить, все в жертву принести.
О родина отцов! Мой дух всегда с тобою
И все сильней к тебе стремится с юных лет.
И Старец Дивный твой угрозой громовою
Мне, к правде, указал, в тебе ведущий след.
О, сколь милее ты, с твоей природой хладной
Мне жарких, южных стран Италии златой
И мраморных руин под сеткой виноградной,
Твоих зеленых нив безбрежие и покой!
Отчизна дальняя, к тебе стремлюсь всечасно
И сыном быть твоим желаю наяву -
И как бы не было стремление напрасно,
Мечтою о тебе страдаю и живу!

Мариенбад, 28.3.1929.

ОТКРОВЕНИЕ.

Когда, в вечерний час, скалистою тропою,
Иду под грозною, нависшею скалою
И, низко подо мной волн глухо-мерный шум
Низводит в душу мне рой странных, смутных дум;
И все вокруг забыв в мечтание погруженный
Понурившись гляжу на камень запыленный...
И вдруг, поднявши взор, увижу пред собою,
Вечерний солнца круг, весящий над водою
И пену зыбкую исчерно-синих волн
Сиянием розовым, чернеющийся челн,
Об'явшия вокруг... И черных гор вершины
Зубцами острыми, чудесно даль картины
Замкнувшие резьбой. И в небе черных тучь
Клубистые края, что пурпуровый лучь
Пожаром огненным и чудным зажигает...
А море все в себе, пылая, отражает...
Тогда, весь этот блеск увидя пред собой,
В единый миг его проникшись красотой,
Душой я красоты смысл вечный постигаю
И сердцем перед ней в восторге замираю...

Мариенбад, 31.3.1929.

С радостью в душе вошол я: ты сидела,
Опершись на руки головой,
И в окно задумчиво глядела
Взором полным горем и тоской.
Ясный свод небес в окно виднелся,
Ледяной резьбою убраны
Были крыши; радостно гляделся
Лучь златой в них с ясной вышины...
А в твоих глазах стояли слезы
И твой взор участия просил,
Говорил, что все разбиты грезы,
Что одной бороться нет уж сил...
Ты, во мне, ждала найти участие
И твой взгляд меня не обманул:
В нем прочел я горе и несчастие
И себя, за радость, упрекнул...
Все в душе моей перевернулось:
Я хотел уж руку протянуть,
С замиранием сердце встрепенулось,
Состраданием всколыхнулась грудь.
И слова участия готовы
Были, с уст сорвавшися, потечь,
Но стыда, все, ложные оковы
Не пустили рвущуюся речь...
Деловыми, хладными словами
Обменялись кратко мы с тобой...
И тоску со скрытыми слезами
Я в душе, и стыд, унес с собой.

Мариенбад, 13.4.1929

ПРИЗНАНИЕ.

> Temerò me medesimo, e da me stesso sempre
> fuggendo, avrò me sempre a presso. Tasso.

С животными стремленьями рожден я,
И побороть в себе их не могу,
От них я, в чистоте, дух тщетно берегу
И ими же, за них, в самом себе казнен я.

К прекрасному стремяся, награжден я
С рожденья был венком высоких чувств,
Стремлением к добру, понятием искусств...
Но с человеком был и зверем сотворен я:

Желания гнусныя и низкие мутят,
В моей душе, источник влаги чистой
Во всем прекрасное вливая тайны яд...

И в вечной я борьбе с самим собой, и мглистой
Окутан тьмой, напрасно ищет взгляд
Исхода из борьбы мучительно тернистой.

Мариенбад, 27.4.1929.

ПЕРВОЕ МАЯ.

Сегодня день рабочего народа,
Сегодня день покоя от труда,
Сегодня, вновь, всем вспомнилась свобода
И унижение с лиц исчезло без следа.
    Рабочий люд год целый угнетенный,
    Толпой спокойной и стесненной,
Под звуки музыки торжественно идет
    И веют красныя знамена
    И рухнет всякая препона
    Движению вперед!

"Сегодня день для нас великий: каждый год
Он к цели нас, уж близкой, приближает:
Под гнетом страждущий, рассеянный народ
В великий этот день ряды свои смыкает;
    Все видят всех, все братья, все идут,
    Всяк знает, что несет тяжелый труд
Борьбы за равенство, за братство, за свободу...
    Меж нами всякий брат и равен
    И каждый, силой всех, силен и славен!
Давайте путь идущему народу!"

"И каждый год, в великий этот день,
Гнетущий враг трепещит и таится:
И видет на себе знамен кровавых тень
И видет гордые, уверенные лица...
    Он чувствует в душе, что близок час развязки,
    Что равенство не сон волшебной сказки,
Что близок день свободного труда
    Когда все равенства начала
    Под гром интернационала
Мы меж людей положим навсегда!"

Мариенбад, I. Мая 1929.

Вечно любить я хочу, но любви не дано мне
судьбою:
Видно я жизнью казнен - и несчастнейший
между людей:
Ибо для счастья дан век нам земной -
В жизни ж счастливы те лишь, кто любят.
А любить можно только в сей миг:
Не бывает - в грядущем любви - .

Две мне известны сестры, две родныя друг
другу стихии:
Имя одной - есть любовь, пламя - название
другой,
Смысл и обеих один: в силе равных оне не
имеют,
В жизни важнее их нет: кто без них может
прожить?
Обе зжигают огнем, обе греют замерзшия
души;
Обе прекрасны как жизнь, обе бывают
страшны;
Обе живут лишь пока озаряя все ярко
пылают,
В будущем нет ни одной, пока вновь не
зажгутся оне.

Мариенбад, 1929.

Душатоскует,
Душа бушует
В моей груди:
Она стремится
Как в небе птица
К чему то впереди...
Как необ'ятен
Ее порыв!
Как непонятен
Души разрыв...
Как упованием
Обманут я!
Но без страдания
Нет бытия.
Я за страдания
Благодарю,
В них упования
Вновь воскрешу -
Свет воскресенья
Там, впереди...
Но жду спасения
Лишь от любви!

Мариенбад, 8.5.1929.

ЧАЙКИ НАД МОРЕМ.

Синее небо, лазурные воды,
Солнце над всем золотая порфира...
Белые чайки, отважностью полны,
Мчатся в струях голубого эфира.

С легкостью дивной, то над волнами
Низко несутся, скользят их касаясь;
То, вдруг взмахнувши упруго крылами,
В небе исчезнут, в лучи погружаясь.

И, постепенно, в дали безконечной,
Мягко мелькая, плывут, исчезают...
Но красоты торжествующей, вечной,
В дивном стремлении, не покидают!

Мариенбад, 1929.

САМОМУ СЕБЕ.

Пока всесильный зов и пламень вдохновения
      Неотразимой силою влечения,
К созданию мерных строф тебя не призовут
      И ты противиться не смея,
      Все забывая и немея
С восторгом не начнешь давно желанный труд,
Пока всем существом томяся и страдая,
      Не сомневаясь, не гадая,
С хладеющим челом и пламенем в душе
      Ты не почувствуешь, что звуки,
      Влеча с собой рождения муки,
Готовыя потечь, оформились уже;
Пока в колеблющемся розовом тумане,
      Как будто в смутном океане,
Неясно образы качаться пред тобой,
      К себе маня не перестанут
      И пред тобою не предстанут
Ведением блещущим бесстрашной красотой
И ты, спокойною и твердою рукою,
      Мысль вдохновленную тобою
С чудесной силою в стихе не передашь -
      До тех пор не пиши, ругаясь над искусством,
      Как жизнью дорожи в тебе рожденным чувством...
Художник, отложи спокойно карандаш!

Мариенбад, 4.9.1929.

Когда смиряется души моей
тревога. Лермонтов.

Когда темно в душе твоей,
Когда сомнений страшных в ней
Толпится черный, смутный рой -
И, неотступно, пред тобой
Стоит вопрос о бытие,
О смысле жизни на земле
И ты, в прекрасном видя ложь,
Все отрицаешь и клянешь...
Тогда беги в шумящий лес,
Взгляни ввысокий свод небес
На звезд блестящий хоровод,
Покрывший бесконечный свод -
Прислушайся к шептанию трав,
К журчанию рек, среди дубрав,
Иль к гулу падающих вод
С скалистых рвущихся, высот
И пробуждающих кругом,
Во всех лесах, гудящий гром -
Упейся воздухом ночным,
Насышься блеском золотым
Вверху сверкающих миров
Не скрытых тенью облаков...
И коль в душе твоей, на миг,
Замолк, за жизнь хваления, крик,
То, с новой силой пробужден,
Тебя всего охватит он.
И, в новом свете, ты поймешь
зачем страдаешь и живешь
Постигнешь щедрость без конца,
В любви Всесильного Творца.

Мариенбад, 1929.

\+ + +

Жизнь страстно я люблю, как может из людей
Еще никто, до селе, не любил...
За все страдания пою лишь славу ей,
Их с радостью несу, покаместь хватит сил.
Но что она, за что люблю страдания
И радости; за что я благодарен ей
И стоят-ли мечты и упованья,
В душе живущия восторженной моей,
Чего-нибудь? Не знаю - ум холодной
С душой горячею, с мечтою благородной
И с жаждой волности мне в спутники даны
И все, о чем душа мечтает
Ум беспощадно разбивает
И ставит предо мной с позорной стороны...
Души святые идеалы,
Все боги светлые, все чистые мечты
Умом поверженны... Разбиты пьедесталы...
Их в прежней чистоте уж не восстановишь ты.
Уму холодному не страшно преступление,
Его не ужасает ложь,
Он будит ко всему прекрасному сомнение
Не веруя в себя - и в этом все мучение!...
И хладен, как операционный нож -
Све, с ним в борьбе, душа напрягши силы
Ведет неукратимый бой...
О, если б, хоть ценой могилы,
Венец победы был за правой стороной!

Мариенбад, 1929.

ПЕРЕД ГРОЗОЮ.

Как ты страшна гроза: как голос твой могучь!
Как гордо, средь нависших тучь,
Изгибы молнии сверкают;
Как крупным градом и дождем
Сопроваждает каждый гром,
Как силы страшныя мать-землю поражают!
Взмывает туча грозовая,
Над ровной скатертью лугов
И быстро небо покрывая,
Несется на гряды лесистые холмов.
Столбы крутимой пыли гонит
Вихорь, летящий перед ней,
Все на пути ломая клонит
И чем он ближе, тем сильней...
На солнце жгучее находит,
Туманом легким, тучь передних пелена
И в воздухе, колышась, ходит
Удушливых паров горячая волна.
Земля остынуть не успела,
Вся пышит жаром солнечных лучей
И влага первая, что с неба прилетела -
В пыли исчезнула, не дав прохладу ей...
В лесу же, на холмах, все тихо: лишь порою,
На ветвях, шелохнется лист
И в воздухе, напитанном грозою,
И в паре голубом, висящим над землею,
Цветочный аромат п'янеюще душист...
Но вот послышались дальние раскаты.
Вокруг все замерло и притаившись ждет...
И эта тишина страшнее мне в три краты
Бушующей грозы, что ломит и ревет.

Мариенбад, 1929.

ВЕЧНОМУ МИРУ.

> La guerre est maudite de Dieu et des Lommes
> memes qui la faut... A. de Vignij.

Сладко видеть - везде,
В извращении и зле
Страшным смрадом наполнивших душу,
Возрождение любви -
Светлой, чистой зари,
Озарившей и воды и сушу.
Все, что раньше казалось далекий туман:
Вечный мир, братьев всех единение,
Предстает пред людьми, не как мыслей обман,
Но как истинный путь, избавление
От расставленных в мире сетей
Для пролития крови людей.
И надежда исправить
И от злобы избавить,
И себя и страдающих братьев,
Души всех единит,
И в сердцах пробуждает
Жажду братских, любовных об'ятий.
Перед взором стоит обновившийся мир,
Обновленное мира значение;
У вчерашних врагов один общий кумир,
Одно общее к правде стремление:
Молят все, чтобы солнце любви
Не погасло вновь в братской крови...
Но любовь все силней -
Солнце светит живей,
Ночь исчезла, хоть на небе тучи;
Нам не страшны оне:
Коль любовь на земле

Мы поборим их, сколь не могучи!
Солнце правды взойдет! Уж не долго нам ждать:
Мир опомнившись с ужасом взглянет
На идущую в бойню безумную рать...
Братства дух вновь, забытый воспрянет
И во веки веков, навсегда
Меж народов погаснет вражда!
В новый, разума братский союз,
Освящаемый вечной любовью
Мы вступаем! И нет больше уз
Между нами и пролитой кровью!

Мариенбад, 3.II.1929.

ЧЕЛОВЕК.

Вот прах. - Безвестными законами создания
В едино собран, оживлен
И пламенем дивного сознания,
С бессмертной щедростью,Беззвестным награжден.

Вот прах. - С первейшего мгновения
Величие пламя прах постиг;
И дышит, и живет и шлет благодарения
За пламя вечность, праха миг.

Мариенбад, 1929.

\+ + +

Мой милый, нежный друг, я твой!
И мыслями и сердцем пленный,
К тебе стремлюся; неизменный
И друг и брат твой всей душой...
О, как мне хочеться домой
К тебе, к подруге незабвенной!
Чтоб не терять минуты драгоценной,
Чтоб ты не думала, что мог я быть
с другой...

В дали от города, ветвями осененный,
В небесной тишине сиянье голубом,
Лишь о тебе одной я одинок мечтаю -
И образ милый твой, разлукой удрученный,
На камни хладные припав горячим лбом,
И все вокруг себя забывши, созерцаю.

\+ + +

В вечерний час, в тиши лесной,
Когда терзаешся разлукой,
Ты не один с своею мукой:
Весь Божий мир молчит и дышит в лад
с тобой.

Тебе дан жизнью путь излить
И побороть свои страдания:
Земле отдай любви лобзания,
На землю можешь злезы лить...

И аромат земли вдыхая
В свою измученную грудь,
Ты землю-мать поймешь. И сможешь вновь
уснуть
За жизнь благодаря и счастлив, хоть
страдая.

 Мариенбад, 1929.

НОВОГОДНЕЕ СЧАСТЬЕ.

Я ушел от нее
После дивных минут...
В тишине лишь шаги
Раздавались мои
И замерзшия лужи под звуки шагов
Издавали таинственный, радостный звон...

А на небе, вверху,
средь мерцания звезд
Новый год подходил,
Полный счастья и сил.
И молилась земля тишиною лесов,
Тишиною полей, полных чуткого сна.

И морозное небо
Миллионом очей
Проливало на землю
Загадочный свет,
И молилось оно
О вселенной миров
И, казалось, молитву я слышу его.

И я тоже молился
Всей силой души,
Сам не зная о чем
Я молился звездам
И рыдание горло
Здавило мое
И от счастья, тоски грудь рвалась
пополам.

А на небе, вверху,
Средь мерцания звезд,
Новый год подходил
Полный счастья и сил:
И замерзшие лужи,
Под звуки шагов,
Издавали таинственный, радостный звон.

Мариенбад, I2 часов ночи. Новый год I930.

ВЕСНА.

Здравствуй Весна молодая, душистоподобная дева!
Лес уж оделся; сверкая не ждет больше зимнего
гнева;
Солнце с лазури горит все обдав золотыми лучами,
Речка играя шумит не стесненная крепкими льдами.
Птиц певчих стайки, веселых, к нам издали вновь
прилетели,
Нет на полях лысин голых; и даже угрюмые ели
Пороспустили ростки светложелтого нежного цвета -
О, молодая Весна! И во мне радость ты пробуждаешь;
К жизни от зимнего сна, душу с силою вновь
призываешь.
Долго все ждало тебя, ты пришла - зима прочь
отступила,
Пламя в природу влила, к новой жизни весь мир
возродила!

Мариенбад, I930.

К Р... А.......

В моей душе светло: исчезли все сомнения
В прекрасном и добре, с тех пор, как в первый раз
Увидел я тебя. Нет, то не увлечения
Минутные, не страсть - горячка, что сейчас
И в сердце и душе моей, с такою силой,
Забушевали, поднялись
И в светлый, чудный рай, из жизни столь унылой,
Меня поднявши, понеслись...
В душе моей светло. Любовь и просветление
В нее сошли,как солнца теплый лучь
И понял я в первые умиления,
Как взгляд очей твоих невинностью могучь.
А то-ли, до тебя во мне происходило:
Какая тьма в душе, какой сомнений ад;
Как все казалось мне и гадко и постыло,
Как недоверчиво кидал я робкий взгляд
На жизнь вокруг себя. Добро мне представлялось,
Во всех, иль лицемерие, иль обман -
При мысли лишь о нем, мучение начиналось
В душе, от вскрытых в нем умом, тяжелых ран...
Но встретивши тебя я понял все: мгновенно
Свет заблистал, с глаз спала пелена
В твоих очах прочел я, что нетленно
Прекрасное живет и вечно, неизменно
Жило и будет жить, все правя времена...

В добро теперь желаю, жажду вереть,
Во всем его я вижу, узнаю...
Не передь кем не лгать, не лицемерить,
Все чрез тебя любить, любовью все лишь мерить:
Вот, что ты мне дала! Тебе все отдаю.

Мариенбад, 1930.

ИЗ ЛЕОПАРДИ.

Senpre caro mi fu quest'ermo colle...

Всегда любил я этот холм пустынной
И эту изгородь, что дальний небосклон
От глаз на долгое пространство закрывает...
Здесь, сидя в созерцанье, я за нею
Пространства бесконечность, тишину
Непостижимую и глубочайший
Покой воображаю; и едвали,
При этих мыслях страх не проникает
Мне в душу. И лишь легкий ветерок
В ветвях зашелестит, играя надо мною -
Я этот звук сравнить тотчас стараюсь
С той бесконечной тишиною; и приходят
И настоящий век и шум его живой...
Так в необ'ятность мыслю погружаюсь
И сладко мне тонуть в сем дивном море.

ОЧАРОВАНИЕ.

Лес стоит угрюмый, отягченный,
В белый снежный саван весь одет.
Смолк давно шум жизни оживленный,
Зелени, цветов пропал и след...
Все вокруг окутано туманом;
На небе тесняться облака,
Изредка лишь ветер налетая,
С сонным треском ветви нагибая,
Сбросит в них столб пыльного снежка.
И опять молчит все... и не звука
Не пробудит зычным гулом лес,
И все больше тучи набегая,
Будто тяжкий полог расстилая
Громоздясь скрывают свод небес.
Я стою один, как очарован
Вкруг меня разлитой тишиной:
Недвижим, морозом заколдован,
Не шумит, не воет лес глухой.
Мертвая, седая вся природа;
Сердцу смутно, грустно, тяжело...
Уж взыграла б, что-ли, непогода!
Стало б тотчас на сердце легко...
Лес и гнет исчезли... Вижу море:
В бранных красках с грохотом несясь,
Волн ряды, могучих, на просторе
Подлетают к берегу все в пене
И в высокий берег ударяясь

Вверх взлетают брызжущим столбом,
Но вверху, в скалах, не оставаясь
Вниз збегают пенистым дождем...
Дивных красок всюду перемена:
Точно гривы, гребни волн виясь,
У коней урвавшихся из плена
Вправо, влево прыгают бесясь;
Солнце мощно тучи прорывая
Сыплет золотых снопы лучей
И в волнах, их гребни озаряя,
Зажигает тысячи огней.
Ветер с дикой силой налетает,
Тучи, волны гонит пред собой,
Солнца луч живящий затмевает,
Землю топит пенистой водой...
Ветер рвет одежду, брызги мочут,
В груди сердце б'ется веселей
И не страшны волны, что клокочут
Будто все сорвалося с цепей!
И война на смерть стихий с землею
Подымает грохот до небес...
Очарованный стою я пред тобою
Неподвижно спящий, хмурый лес.

Мариенбад, 1930

Без страдания, как жить?
Как людей всех любит ,
Как обиды прощать,
Коль не будешь страдать?
Лишь страдание - любовь
Открывает нам все,
Дает сердцу познать
Дел мирских суету,
Тех желаний, страстей,
Что в нас тайно лежат,
Уязвляют добро
К преступлению манят.
Лишь страданием одним
Очищается грех,
Познается любовь,
Коей хватит на всех;
Познается любовь,
Коей Тот нас учил,
Кто в крови,
На кресте
За злодеев молил...
О страдание! тобой
Свет очам лишь открыт,
Свет любви золотой,
Что над миром горит!
Приходи же опять,
Душу мукой облей
И к Вселенной любовь
Пробуди снова в ней...

Мариенбад, 1930.

Mikhail B. Jakovenko

P O E T R Y .

Мельбурн — Melbourne 1987

1931

INTRODUCTION.

Like countless other gifted poets and writers throughout the centuries, Mikhail Borisovitch Jakovenko missed out on the opportunity to develop in full, the literary abilities, that were hidden in his sensitive and noble soul.

The rigours of life, the continuous migrations and the constant striving for the elimination of social injustice that reigned the world which was experiencing a profound moral and political crisis, prevented him from devoting himself to the writing of poetry.

The inspiration for the written verse blosso med strongly when for the first time he ex perienced the tenderness and heartfelt love of a real friend, that opened to him a new meaning and importance of life.

Unfortunately this short period of inspiration abruptly ended due to more urgent circumstances and later an acute and incurable diseaseresul ted in his death on the 1st of December, 1936.

He was born on the 27th of June, 1909 in Rome - the capital of Italy on the river Tevere. His parents, who at that time were exiles from the then tsarist autocratic Russia, fell in love with Italy and considered it to be their second Motherland. His education and

his interest in Russian literature he gained from his family, in which his main teacher was his grandmother Klavdiya Andreevna Jako venko - Murashkintsev, a revolutionary and a translator from the English and Franch.

Seven years on the Ligurian Riviera and seven years of his life in Rome, developed in him a strong bond with Italy and a great love for the Italian language and literature, that la ter expressed itself in a translation - toge ther with his father - of the work by A. Sle vitski: "The ravaged nest" (in Italian: " Le avventure di un orsacchiotto ") from the Rus sian into the Italian language and that was published in Florence.

Unfavourable political circumstances forced the whole family to leave Italy in the begin ning of 1925 and to move to the - at that time newly formed - democratic republic of Czecho slovakia, at first to the small township of Marienbad-Mariánské Lázně, of which the majo rity of the inhabitants were of German origin. This forced the whole family to learn a new foreign language - German, which the author mastered to a degree of perfection, within a few years, that even enabled him to read proofs for journals and periodicals, and in general to adapt to the new and strange customs and conditions.

In this very town and environment, the author met the greatest love of his life - Ruth, and was overcome by the inspiration to write poetry in the Russian language, the result of which we are publishing in this collection, together with their translation into English.

After a seven year residence in this charming

township, unfavourable circumstances forced the whole family to move again - this time to Modřany near Prague - now part of Prague 4.

Spiritual stresses and physical deprivation experienced during the last few years of his short life, aggravated his incurable disease, against which he stoically fought to his last breath.

He died in the arms of his best and true friend without accomplishing all that was intended for his brilliant and gifted mind.

Woodend, 27.6.1987. Dimitry B.Jakovenko

P O E T R Y .

* Translated into English by D.B.J.

A DREAM.

"Questo d'ignoto amante inno ricevi".
Leopardi.

The sky of night is shining,
Quietness on the earth...
At the window softly flutters
Just a vision of the youth...

A great silver voice is singing
A telling song about the spring.
But listening to these wavy sounds,
Is a gentle way to dream...

All nature keenly listens
To harmonious, simple tunes,
Bent-down grapevines are in slumber
Overfilled with golden juice;

Into the sea the moon is throwing
A transfusion of bright light,
All the coves are being crosscut
By the strips of silver rays.

The southern breath seems to have quietened
And the fragrance from the sleepy garden,
Moistened by the pearly dew
Is drifting in the direction of the singer...

Even soft sounds of the surf
That are rolling on to sand
Are conweying from the darkness
To the voice sweet bliss and peace...

Drowning in its very greatness
A canopy of bright stars,
Seems to cradle and to caress
The dark line of the jagged hills.
Alone I stand in the shadow
Of the overgrown vineyard;

While absorbing the harmonious sounds
I revel in their bliss...

In my presence a lovely image
Is flooded by the shine of the moon
Which along a secret route
Hes been brought down to earth.

Oh my darling, give an answer!
Are'nt you my constant dream?
Why by listening to you
I am always calm and happy?

Why it is only with emotion
I can listen to your songs
But with reverence can question
Only with my soul?

Oh please tell me! There's no answer...
Bright and quite is now the night:
A thousand eyes above are shining
In the sky flooded with light.

She, however... with plaits tossed backwards
And the marvellous sound on her lips...
On the gloomy shores do listen,
With delight are bound the cliffs.

Marienbad, 1929.

THE ANGEL OF PEACE.

Oh, God's Angel! Oh, where are You?
With Your wings expanded widely,
Make a flight over the darkness
And the sea that shines so brightly.
Calm the anger and all conflicts
By your will make them all struggle,
Raise the soul of every human
To achieve this great ambition!
Robed in bright celebrant's vestment
And in truth, perfect, eternal
You will shine in Peace all over,
Peace that is all solemnity
Of a reborn Universe!

Marienbad, 22.3.1929.

AN INSTANCE.

All the space of the sky
And moonshine on the hills.
Above me are the hights - all snow covered
That are flooded by light
And the stillness of night
Breathes beauty without giving reason.
There's a mystery in this lovely stillnes
That I hear in this beauty but can't understand
And to the question have no proper answer...
I answer with silence
And to beauty I render my worship
By shedding tears of devotion.

Marienbad, 24.3.1929.

LAND OF MY BIRTH AND MY FATHERLAND.

Italy! The country whom poets
From every corner of the earth acclaimed by
written verse,
Where purest aims and vows and all the best
Songs of their souls they bear.
The land that is breathing with the wonderful
past in everything,
Where vestige of the glorious dark ages still
remains,
And where from all sides the obedient ear is
hearing
Great masters' firm behest;
Where each season has its lovely beauty
Alike nowhere the depth of sky does captivate
And on a bright winter day, a string of sheer
mountains
Are standing firm at sunset and glowing over
Rome.
Where early in the spring there's fragrance
of the roses,
The autumn season full of lovely fruit,
The roll-call of Cicadas in hot summers
And heat in bluish steam...
The land to which from earthe's remote corners
Man is longing in hope since birth,
To find the subject of his lovely dreams,
A fine maiden of his imagination - simple
majestic...
I was born there! From the very cradle
I have been surrounded by your immortal charm
And listened during nights to the misterious
warbling,
Your language became dear and familiar to me.
I became your son; I have merged with your
people,
With all my heart and soul surrendered to
your charm...

But with each year a mysterious compelling
force
Is pulling me towards a very cherished dream.
In my imagination I strongly long for the
country of my ancestors,
Where heaven's dome is not as deep and pure
And the beauty of its nature will not excite
the kind of sweet emotion...
Where steppes are borderless: all green in
spring,
But lifeless, sunburned in the summer
And the whitness of the snow that covers it
in winter is hurtful to the eye...
Where villages and forests are bound by
ringing frost into a silence
The howling of the wolves is a common fact
and the milestones
Of the major tracts, stand as lonely sentinels
- a warning sign to all...
Where in small cottages with squalid backyards
A people lives - a Titan that can shoulder
any burden
And for good will repay with wonderous gifts;
That can bestow complete forgiveness and make
enormous sacrifice.
Oh land of my fathers! My spirit is always
with you,
And since my early days it strongly strives
for you.
Oh how much dearer are your borderless
green pastures,
Your cornfields and peace of your cold nature,
Then golden south of Italy, its heat and its
Ruins of marble, hidden in grapewines!
My distant homeland, I always long for you
And wish to be your son indeed -
But even though my striving is in vain,
In dreams I live for you and suffer.

Marienbad, 28.3.1929.

A REVELATION.

When I walk down at evening time
Beneath a mighty cliff along a rocky path,
The hollow rumble of the waves below
Sends crowding into my soul a swarm of strange,
vague thoughts;
With lowered head, oblivious and dreaming
At a dusty rock I stare... When suddenly
I raise my head, I see in front of me
The circle of the evening sun suspended over
water.
And surging foam of black-blue waves in a
pinkish shine
In which a dark outline of a dug-out
Suddenly appears... Like a carving in the
distance
The sharply jagged dark peaks of hills
Complete the lovely view. And in the sky
The curling edges of black clouds are lit
into a flare
Of lovely purple fire... And all of that
reflecting in the sea...
With all this brilliance in my presence,
The beauty is absorbed this instance by my
soul,
And I bow my head in sheer delight...

Marienbad, 31.3.1929.

* * *

With joy in my soul I entered; you were
sitting,
Your head resting in your palms
Looking out of the window deep in thoughts,
And by your appearence full of grief and
sick at heart.
Through the window one could see the sky
And fretwork of the frost attired roofs;
A golden ray was playing happily reflected
from above...
But in your eyes were tears,
Your expression was seeking understanding
and comfort,
It was telling that all dreams were shattered
And that you cannot keep fighting on alone...
You were expecting my compassion,
Your look was not to be mistaken:
In it I saw sorrow, misfortune
And for my joy I felt reproach...
Everything in my soul turned over:
I was about to offer you my hand,
My heart sank in great compassion,
And in my chest I felt a storm.
The understanding words were on my lips,
Ready to sound and give comfort,
But gripped by undue shyness
I was unable to let them flow...
Brief, cold, business like words
We have exchanged - you and I...
The anguish in my soul and hidden tears
In shame I took away with me.

Marienbad, 13.4.1929.

* * *

My soul is fretting
My soul is storming
Inside my chest:
Is always speeding
Towards something
Like a bird in the sky...
How very boundless
Its passion is!
Incomprehensible
Such bursts of the soul...
And much of my hope
Is deceiving me!
But without pain
There is no being.
I am very thankful
For all the pain,
In it my hope
I will revive -
The light of resurrection
I see ahead...
But I expect rescue
Only through love!

Marienbad, 8.5.1929.

A CONFESSION.

"Temero me medesimo, e da
me stesso sempre fuggendo,
avrò me sempre a presso".
Tasso.

I was born with yearnings of an animal,
But cannot overcome them in myself,
In vain from them I guard my spirit,
But am still punished for that with them.
From birth I was endowed with noble feelings
To strive for beauty, the urge for goodness
And the understanding of the arts...
But created as a human being I have been made
an anumal:
Foul desires at times torment my soul
And into the fount of beauty's purest
moisture
A secret poison flows...
I am struggling with myself endlessly
And in vain, while my glance enveloped
In a misty darkness, is searching for a
solution
To this thorny and painful conflict...

Marienbad, 27.4.1929.

THE FIRST OF MAY.

Today is working peoples day,
Today is a day of rest from labour,
Today we all again remember freedom
And humiliation vanished from faces without
trace.
The all year round oppressed working people
Are now crowding calmly and constrained.
With music are solemnly marching
And red banner flying high!
All the barriers are fallen
To the advancing march!

"For all of us it is a great day: each year
It brings us closer to the impending goal:
The scattered, oppressed people
On this great day are closing their ranks;
They all are brothers, see each other
while they march
And are aware of carrying the heavy burden
Of struggle for equality, fraternity and
freedom...
We are all equal and brothers
Each of us is strong and glorious
Through the strength of each other!
So let marching people pass!"

"Every year on this great day
The oppressors are hiding full of fear:
Noticing the shadow of red banners on
themselves
And seeing all the proud, determined faces...
They know and feel - the hour of the end
is near

That equality is not a magic fairytale
or dream
And that the day of liberated work is coming
closer,
When under the thundering tunes of the
Internationale
We will lay down for ever the principle
of equality
Amongst the people!

Marienbad, 1st of May 1929.

* * *

I always wish to love for ever
but it is denied to me by fate:
It seems life is punishing me -
the most unlucky man:
For to have luck we are given time on earth -
But in life luck is only with those
who are loved.
One can love only this very moment:
There is no love as such - in the future - .

* * *

Two sisters are known to me - two related
elements:
The name of the one is love - flame is called
the other.
In a sense they are equal and they have no
rivals in their strength;
And in life nothing is more important then they,
Therefore who could survive without them?
Both are burning like fire and rewarming
frozen souls;
Like life both are beautiful, but as well
could be frightful;
While they brightly glow, both are alive,
None of them exist in the future, until they
flare up again.
Marienbad, 1929.

TO MYSELF.

Until a mighty call and flame of inspiration
    Will irresistibly pull with force
And summon you to form rhythmical stanzes
    And you not daring to oppose,
    Becoming dumb also forgetful
Begin with joy the long desired work;
Until you feel that sounds are prepared to
                                        flow
    Without any doubts or guess
In agony and pain, with all your being,
Cold brow and flaming soul
    You will be able to express the pain and
                                        form;
As long as the wavering shapes that move in
                                pinkish haze
    Like in a dim ocean keep enticing
    And appear in front of you
With authority and fearless shining charm
A calm firm hand and a great force
Translated into verse the thought by you
                                inspired -
Till then don't write and cursing all the arts,
Like life value in you the inborn feeling...
    Man of Art, lay calmly down your pen!

4-9.3.1929.

SEAGULLS OVER THE SEA.

Azure waves and blue sky
Everywhere golden-purple sunlight...
With great courage white feathered seagulls
Speed with the streams of ethereal air.

Over the breakers with marvelous lightness,
They fly almost touching them swiftly and
glide;
Or with a sudden strong flap of the wings,
Enveloped by sunshine would disappear in the
sky.

Floating and flashing in the far distance
Gently and slowly altogether vanish...
But the timeless and glorious beauty
Will not be lost in their wonderful speed.

-.-.-.-.-.-.-

MAN.

There is dust. - By the unknown law of making
Into a unit collected, vivified
And provided with a flame of
consciousness
With special generosity by the Unknown.

There is dust. - From the first
moment
The greatness of the flame the
dust has understood;
It is breathing, living and is grateful
For the eternity of flame and
its presence.
Marienbad, 1929.

"When the anxiety of my
soul has been subdued".
Lermontow.

When there is darkness in your soul
And swarms of awful, frightful doubts,
With troubles crowding into it
And constantly facing a persistant question
About the meaning of reality on earth,
You too are seeing falsehood in the beauty,
Cursing and denying everything...
Then swiftly race into the noisy woods,
Have a look at the dome of heaven
And at all the dancing stars,
That cover the whole space of the sky -
To listen to the whisper of the grass
And to the murmur of streams amongst the tree
groves,
Or to the noise of waterfalls,
Which hurtle down the rocky heights
To the awakening of droning thunder
Around in all the woods -
Get drunk with the air of a bright night
And of the unknown world high in the sky
Enjoy the brilliance and golden sparkle
That are not hidden by the shadows of the
clouds...
But should the call of your soul
Which gives price to life for a moment, is
silenced,
Then, when awakened it will completely
Envelope you once anew.
In this new world you will then realize
What you are suffering and living for...
You will learn of the endless generosity
In the Great Creator's love.

Marienbad, 1929.

* * *

I adore life intensely, perhaps more
Then any person could have adored it ever
before...
To real pain I sing an ode of glory
And happily will bear it with great strength.
But what is it, that makes me to be fond of pain
While being in doubt of all the hopes
That ever dwelled in my ecstatic soul.
Is all that worth anything? I do not know -
My mind is cold, but I have been given
A flaming soul and noble dreams
With a great urge for freedom as companions,
But the mind is ruthlessly destroying
All the hopes that have been dwelling in my soul
And brought to me from a shameful angle...
The lucidity of gods, the clearness of hopes
And the ideals of a pure soul,
Are all depressed by the mind... And all the
bases being shattered...
The pureness of them all one never will restore
For to a cold m ind, crime is hardly horrifying
And it will not be horrified by lies.
Lacking believe in itself, it arouses doubt
in what is faultless
And in all this is all the pain!...
Being cold like a scalpel - everything
In the contention with the pain and soul
Is straining every nerve in this indomitable
struggle...
Oh, is at least the grave will grant victory
To the proper side!

Marienbad, 1929.

BEFORE THE THUNDERSTORM.

How terrifying is a thunderstorm:
how powerful its voice!
And the proud curves of flashing lightning
That appear between suspended clouds;
The way the pouring rain and large hailstones
Follow every crash of thunder and with enormous
Force strike Mother-Earth!
The storm clouds now are soaring upwards
Over the expanse of the meadows
And swiftly move towards the rows of wooded
hills,
Shielding the whole of the sky.
A vortex hurls a pillar of dust and debris
Moving forwards and braking and bending
Everything in its way
As it comes nearer and gains strength...
The sun is obscured now by a gentle sheet
Of the slowly advancing clouds
And in the air is heaving now
A wave of stifling, steamy heat.
The surface of the earth did not have time
to cool,
Still blazing from the heat of the sunrays.
The moisture that has fallen from the sky,
Disappeared in the dust, without bringing
any relief...
But on the hill in the forest all is quiet:
At times only a leaf would move among the
branches
And in the air moistened by the storm
And in the steam that is floating above earth,
Intoxicating fragrance of the blooms is sweet..
A distant peal of thunder suddenly has sounded.
All became quiet and still in expectation...
This stillness, however, frightens me
Many times more than the raging storm.
Marienbad, 1929

* * *

My darling, tender friend, I am yours!
All with my heart and mind your captive.
For you I yearn and I am yours always
With all my heart and soul your unfailing
friend and brother...
Oh, how I wish to return home
To you my unforgetable friend!
To ensure the treasured moments were not lost
And you would not suspect I am with someone
else...
Under shadow of branches and far from the city
And the heavenly quiet of shining blue,
Only of you in my solitude I dream -
And while pressing my burning forehead
On a cold rock and oblivious of the surround
Your dearest features are in front of me.

* * *

In the evening stillness of the forest
Tormented by the separation,
In your deep suffering you are not alone:
The whole of the universe stands still and
breathes in harmony with you.
Life has given you a certain way to live,
A certain way to overcome all pain:
To earth you shall return your love
On it you can shed all your tears...
While breathing into your tormented chest
The earth's fragrance, you'll understand
The Mother-Earth. And while still suffering
And thankful for your life and fortune, you
find the way to fall asleep again.

Marienbad, 1929.

TO EVERLASTING PEACE.

"La guerre est mandit de Dieu et
des hommes mêmes qui la faut..."
A. de Vignis.

It is sweet to observe - in the stench of
The dreadful perversion and evil that is
filling the souls
All around, the rebirth of real love -
In this bright and clean dawn
That is lighting the land and the waters.
All that previously seemed a faraway mist:
Brotherhood, eternity and peace,
Now appears before me, not as fraud of the mind,
But as a road of true deliverance
From the traps in the world
That have the purpose to shed human blood.
But the hope to reform
And deliverance from spite
Of all suffering brothers and self
Does unite all the souls
And awakens in the hearts
A great craving for love and brotherly
embraces.
Before us we now see the renewal of peace,
The renewal of its great importance;
Yesterday's enemies have a common idol,
But in fact only one aspiration.
Everyone does now pray to the sun of love
Not to be drawn again in the brotherly
blood...
Love however is gaining in strength -
And the shine of the sun is much brighter
And the darkness of night disappears despite
clouds in the sky;

We are not frightened anymore:
While love reigns in the world
We will overcome them despite their might.
Soon the sun of truth will rise again!
We don't have to wait much longer
Upon the senseless hordes that are marching to fight
The whole world will look in terror...
The forgotten spirit of the true brotherhood will be rising again.
And for ever and ever
Will hostility end between nations!
We are now entering into a new
Brotherly union of reason
Consecrated to eternal love!
And there no ties anymore
Between us and blood that was shed!

Marienbad, 3.11.1929.

NEW YEARS BLISS.

After hours of joy
I was walking from her...
Only footsteps resounded in silence.
Frozen puddles, like bells,
To the sound of my tread,
Chiming were, as if of secrets and gladness.

High above in the sky
Amidst shimmering stars,
A New Year was arriving,
Full of power and calm.
While the earth in the quiet
Of the forests and fields,
Was in prayer and seemingly dormant.

And the sky, gripped in frost,
With it's millions of eyes,
Was shedding onto earth,
Amysterious light.
It was also in prayer
For the whole universe,
And this prayer it seemed
I was able to hear.

From the depth of my heart,
But not knowing for what,
I was praying myself
To the stars high above.
Then I burst into tears
Sobs were gripping my throat,
And my chest felt like bursting
From anguish and joy.

High above in the sky,
Amids shimmering stars,
A New Year was arriving
Full of power and calm.
Frozen puddles like bells,
To the sound of my tread,
Chiming were, as if of secrets and gladness.

Marienbad, 12 pm. New Year's eve 1930.

SPRING TIME.

Be hailed young Springtime, fragrant virgin!
The forest has put on its clothes; full of
Sparkling is not expecting any winter wrath;
From the sky the burning sun is engulfing
everything in its golden rays.
Freed from the grip of ice, a stream is
murmuring and playing along its course.
From distant regions flocks of happy song
birds flew in again,
And the bare patches on the fields have all
but vanished; even the gloomy fir trees
Have started to sprout their soft light
yellow shoots -
Oh young Springtime! You are also awakening
happyness in me;
And from winter sleep calling forcefully to
life my soul.
For a long time everything has been waiting
for you, you have now come -
The winter went away bringing to nature a
blaze of new light
And a new life to the whole of the world!

Marienbad, 1930.

TO R... A.......

My soul is full of light:
In beauty and in goodness,
All doubts vanished the moment I saw you.
No, it is not momentary attraction, it is not
Just passion-fever, that now began to rage
And rise in me - my soul and heart, and
Was rushing me out of my cheerless and gloomy
life,
Towards the brightness of a wonder paradise.
My soul is full of light: lucidity and love
Have downed on it, like warm sunrays.
And trough the tenderness of my emotion,
I can now fully comprehend the power of the
innocence,
Which I am seeing in your eyes.
But how I felt before I got to know you:
What darkness in my soul, what hell of doubt.
All seemed to be so wicked and so hateful,
Made me to look at life around me with distrust.
Kindness seemed to me - hypocricy, deception,
To think like this - was only to torment my
soul,
But since I met you, I understood completely;
All that I could not understand before.
As scales have fallen from my eyes, immediately
The whole world was sparkling - full of light,
And in your eyes I saw imperishable beauty,
That always was with us - that ruled all times.
I wish, I crave to have belief in goodness,
Which I now recognise and see everywhere.
Never to lie - no more pretention,
Only to love through you - only through love to
measure everything:
See what you have given me!
Now in retur I give my all to you.
Marienbad, 1930.

FROM LEOPARDI.

"Sempre caro mi fu
quest'ermo colle..."

I always liked this barren hill,
Also the fence that shields from view
The remote space of sky for a great distance...
Here in observation I sit and contemplate
The infinity of space, the stillness, the
unbelievably
Profound peace; somehow, while deep in
thoughts
No fear enters my soul. Only when
A gentle breeze playfully rustles
In the branches above me - immediately
I try to compare the sound with this
Eternal stillness; and in my mind I see
The rows of everlasting ages,
Including our age, and their lovely murmur...
And now absorbed completely in boundless
thoughts
I feel being lost in this immense, delightful
sea.

Marienbad.

FASCINATION.

The burdened, gloomy forest stands
Completely clad in a white shroud of snow.
The verdure and the blooms have disappeared
Without a trace, the lovely sounds of life
Are now in silence...
The whole surrounding is fog bound;
Accross the sky the clouds are slowly on the
move,
At times the wind with a dull sound
Would bend the branches
And shaking off a cloud of finest snow.
All is still again... There's no sound
That with its rumbling would awaken the whole
of the forest,
While heavy crowding clouds
Are blanketing the dome of the sky.

Alone I stand here, charmed
By the surrounding stillness:
Bewitched by frost the dense forest,
Now motionless, ended the noise and all the
howling.
Nature is all grey and seems lifeless;
My heart is heavy, sad and miserable...
Now let a storm move quickly in!
Immediately the heart will feel releaved
again...
The oppressive feeling and the forest
disappear...
Now I see an ocean: In a thundery rush and
martial colours
A row of mighty waves all white with foam
Runs up from open sea towards the shore,

Hitting the sheer coastline
With a column of spray,
Which do not rest amongst the cliffs
But capped with foam slide down the rocks...
Like manes of horses freed from captivity
The crests of waves, fan to the left and
right in fury;
Forcefully the sun breaks through the clouds
To send a beam of golden light
Down on the waves illuminating their crests
And lighting up a thousand lights.
Suddenly a wild wind has sprung up,
Driving in front of it the clouds and waves,
Drowning the shores in foaming waters
While the lovely sunlight dims away...
The wind tears at my clothes, moistened by
the sprays,
And in my chest my heart is beating with
delight.
The fury of the waves that know no restraint
Is not frightening anymore!
While the warfare to the death between earth
and elements
Raises thunder to the skys...

Bewitched I pause in front of this
Stark silent, gloomy forest.

Marienbad, 1930.

How can one live without pain?
How to love all mankind
And also to forgive,
If unable to feel pain?

Only pain - which is love
Helps reveal all the things,
Makes the heart understand
The vanities, desires and passions
That are concealed in us,
And to crime that do lure
Being only destructive to goodness.

One can only through pain
Be freed from all sins,
Recognise the real love
That He taught us about,
Who in blood on the cross
For the villains did pray...

Oh great pain! It's through you
That the light can be seen,
Light of that golden love
That shines high above us!

Please, return and again
Flood my soul with this pain
And revive our love
For the whole universe...

Marienbad, 23.3.1929.

С О Д Е Р Ж А Н И Е .

Введение. III
Мечте. 1
Ангел Мира. 3
Мгновение. 3
Родина и Отчизна. 4
Откровение. 6
С радостью в душе вошол я: 7
Признание. 8
Первое Мая. 9
Вечно любить я хочу, ... 10
Душа тоскует, душа бушует... 11
Чайки над морем. 11
Самому себе. 12
Когда темно в душе твоей, ... 13
Жизнь страстно я люблю, ... 14
Перед грозой. 15
Вечному миру. 16
Человек. 17
Мой милый, нежный друг, я твой! 18
Новогоднее счастье. 19
Весна. 20
К Р.. А.................................... 21
Из Леопарди. 22
Очарование. 23
Без страдания, как жить? 25
Содержание. 61

C O N T E N T S .

Introduction. 29
A dream. 35
The angel of peace. 37
An instance. 37
Land of my birth and my fatherland. .. 38
A revelation. 40
With joy in my soul... 41
My soul is fretting... 42
A confession. 43
The first of May. 44
I always wish to love for ever... 45
Two sisters are known to me - 45
To myself. 46
Seagulls over the sea. 47
Man. 47
When there is darkness in my soul... . 48
I adore life intensely, ... 49
Before the thunderstorm. 50
My darling, tender friend, ... 51
To everlasting peace. 52
New Years bliss. 54
Spring time. 55
To R... A...... 56
From Leopardi. 57
Fascination. 58
How can one live without pain? 60
Contents. 63

SPECIAL SUPPLEMENTS SERIES:

1967 No. 1 - Boris Jakovenko: Masaryk's Conception of Philosophy. With one portrait.

1968 No. 2 - Edouard Beneš: Deux Conférences sur T. G. Masaryk. Avec un portrait.

1969 No. 3 - Boris Jakovenko: The "Society of Peoples" or the "Hostility of Peoples?" With one portrait.

No. 4 - Iwan Lapschin: Von der Ueberwindung des Solipsismus. Mit einem Bilde.

1970 No. 5 - Edouard Beneš: L'Avenir de la Société des Nations. Avec un Portrait.

No. 6 - Boris Jakowenko: Vom Wesen der Philosophie. Mit einem Bilde.

No. 7 - Em. Čapek: Comenius als Erzieher. Mit einem Bilde.

1971 No. 8 - V. Vinnitchenko: Do dvatzjati lettja z dnja smerti. S portretami i faksimiliami.

No. 9 - Miguel de Unamuno: Mi Gorki y el caracol errante. Con dos retrados y facsimiles.

1972 No. 10 - Bill Saw - Ian Jakovenko: Cantor Revisited? With one portrait.

No. 11 - Boris Jakovenko: Il cammino della conoscenza filosofica. Con un ritatto.

1973 No. 12 - Boris Jakovenko: V. G. Belinski and the Russian Philosophy. With one portrait.

1974-1977
No. 13 - Boris Jakovenko: The bolshevist philosophy and the philosophy of bolshevism. With one portrait.

1978-1984
No. 14-20 - Boris V. Jakovenko: Articoli su avvenimenti politici in Russia 1917-1921. Con un ritratto.

1985 No. 21 - Th. G. Masaryk: Jan Hus and John Wiclif. With portraits.

1986
No. 22-30 - Boris Jakovenko: Vissarion Grigorievič Belinskij. With portraits.